

Глава 1

Понедельники, как правило, Асе нравились. Тех, кого пора было выписывать, выписывали в пятницу. Плановых операций не было, плановые операции назначались на вторник и четверг. Наверное, из суеверия: понедельник — день тяжелый. Экстренных тоже по понедельникам почти никогда не было. Экстренных привозили чаще всего в субботу и воскресенье. Народ предпочитал калечить друг друга в свои законные выходные. И по собственной инициативе калечился в выходные — лыжи, рыбалка, охота, альпинизм, подводное плавание... Да что угодно. Активный отдых. Если уж сосед не засветил тебе по пьянке в глаз монтировкой, так ты всегда сможешь восполнить этот пробел своими силами в процессе активного отдыха. Сил у любителей активного отдыха было столько, что о наличии ума вопрос ни у кого не возникал. Нет, у Алексева однажды возник. Алексеев тогда только-только начинал работать в отделении. В его дежурство, как раз в воскресенье, привезли активно отдохнувшего на природе мастера спорта по плаванию. Сиганул с крутого бережка в пруд. А в тот пруд аборигены последние сто лет выбрасывали ненужные им вещи.

В том числе и ту железяку, на которую напоролся мастер спорта по плаванию. Правый глаз, прони-

кающее ранение. Удивительно, что коллеги по активному отдыху сообразили, что проникающее ранение — это не в их компетенции. Бывали случаи, когда пытались оказывать первую помощь своими силами. Сила-то есть... После операции Алексеева очень интересовал вопрос, с какого перепугу можно сигать в незнакомый водоем с крутого берега. Вниз глазами.

— Да ну, — удивлялся мастер спорта по плаванию. — Я же мастер спорта по плаванию! Чего там, подумаешь, незнакомый водоем... И не такие видали.

Глаз ему спас сам Плотников. Но даже сам Плотников до конца операции не был уверен, что сможет спасти. Только потом сказал, что глаз будет видеть почти как прежде. Коллеги из других больниц приходили смотреть на пациента. Пациент борзел:

— Это как это «почти»? Это что, хуже, что ли? А спорт как же? Я же мастер спорта по плаванию! Я же не могу спорт бросить! Нет, вы уж делайте, чтобы как раньше было!

Впрочем, может быть, это он от наркоза слишком долго отходил. Эти, у которых сила есть, почему-то всегда отходили от наркоза чрезвычайно долго и, как правило, не без приключений. Семидесятилетние бабки — и те очухивались быстрее. Поспят немножко — и просыпаются совершенно без сил, но вполне вменяемые. Впрочем, бабкам не всегда давали общий наркоз, бабки и с местной анестезией работать не мешали. И после операции вели себя хорошо. Жили смирно, в пруд с крутого бережка вниз глазами не сгали, не пытались тут же пустить насмарку работу хирурга. Не требовали, чтобы зрение им сделали такое же, «как прежде» — как сорок лет назад, например. Радовались, что во-

обще прозрели на старости лет. Человеческим голосом говорили: «Спасибо, доктор». Бабок в отделении любили.

Хорошо, что нынче в отделении почти одни бабки. Неделя начинается удачно.

Да, еще же этот, уголовник недобитый. Тоже проникающее ранение. И тоже сам Плотников чинил. В ночь с пятницы на субботу. Повезло уголовнику, попал в дежурство самого Плотникова. Впрочем, Плотников почти не покидал отделения: дежурство не дежурство — он все равно здесь. Фанатик. Вот только сегодня его с утра нет. Позвонил, предупредил, что вызвали в лицевую хирургию, посмотреть на пострадавшего в автокатастрофе — множественные травмы и ранения, возможно, и с глазами что-нибудь. Велел на всякий случай готовить операцию. А пока — осмотр и рядовые перевязки. Не работа, а сон в летнюю ночь... Да, Плотников предупреждал, что уголовника надо посмотреть как следует. Ладно, посмотрим. Хотя чего там бояться? Если сам Плотников делал.

— Ася Пална, перевязочная готова.

В дверь заглянула Светка. Светлана Алексеевна, старшая медсестра. Умница, душа-человек, каменная стена, тоже фанатик. Умеет Плотников кадры находить. Светка сегодня вышла из отпуска. Все-таки очень удачно неделя начинается.

— Ася Пална, кофейку тяпнешь? — Светка переступила порог, прикрыла за собой дверь и пошла к столу, осторожно неся на ладони дымящуюся чашку.

— С ума сошла! Ты что это с руками делаешь? — Ася торопливо поднялась, шагнула ей навстречу и попыталась отобрать чашку. — Свет, да отдай же ты ее, обожжешься...

— Не хватай, горячо, — сказала Светка, поставила чашку на стол и полезла в карман халата. — Сама, чего доброго, обожжешься. Я ж не на голой руке, я на деревяшечке... На-ка еще печеньица. Не особо торопись, пей спокойно, я пока еще две палаты проверю.

Светка выложила на стол начатую пачку печенья, сунула в карман деревянный кружок, на котором несла чашку, подмигнула хитрым коричневым глазом и ушла. Две палаты проверять. Фанатичка. Маньячка. Наверняка будет лазить во все углы с белоснежной марлевой салфеткой. Может быть, даже смоченной спиртом. Санитарки при таких проверках следили за ее действиями ревнивым взглядом. Санитарки в отделении тоже были фанатиками своего дела. Глазная хирургия — это вам не магазин какой-нибудь овощной. Здесь все должно быть стерильно. Ну и было. И стерильно было, и уютно, и спокойно... Хорошо было. Повезло ей с работой. Где-нибудь в другом месте, где не так стерильно, уютно и спокойно, она бы просто не выдержала со своим характером.

В дверь опять заглянула Светка:

— Попила? Ну, пойдем. Руки! Руки мыла?

Прелесть какая. Даже в детстве, даже от мамы, которая всю жизнь проработала хирургической сестрой, Ася слышала этот вопрос не так часто, как от Светки. Впрочем, Светка задавала его всем подряд, даже пациентам. Даже посетителям, которые приходили их навещать. Самому Плотникову тоже задавала. Маньячка.

Возле двери в перевязочную уже кучковались бабки в байковых халатах и в цветастеньких платочках. Увидев Асю, потихоньку загомонили, здорова-

ясь. Заулыбались, радостно переглядываясь. Той, которая пока еще ничего не видела, объяснили громким шепотом:

— Сёдни Анастасия Павловна с нами.

Бабки Асю любили. Считалось, что у нее легкая рука, больно никогда не сделает, к тому же ее можно уговорить не делать страшный укол под глазное яблоко, хотя бы сегодня не делать, хотя бы разок отменить... Легенду насчет возможности отмены страшного укола выдумала одна из бабок, и все ей с восторгом поверили. До сих пор суровая действительность опровергала легенду, но бабки не теряли надежды и Асю любили.

В перевязочной уже всюду трудилась Люда, мыла глаз шестилетнему Сереже, при этом что-то весело болтая. Сережа смеялся. Люда закапала в Сережин глаз серебро, ловко наклеила марлевую повязку и сняла ребенка с высокого кресла:

— Беги. Но очень медленно и осторожно. — Увидела вошедшую Асю, заулыбалась, гордо похвасталась: — А я уже троих перевязала. Но только этих, которых смотреть не надо. Кому Игорь Николаевич велел только глаза промыть. Все вам меньше работы, да, Ася Пална?

— Зато тебе больше, да, Люда Иванна?

— Да мне это не работа, — сказала Люда. — Мне это в кайф. Сон в летнюю ночь.

Медсестры часто цитировали Асю. Сначала она думала, что передразнивают. Но Плотникова они тоже цитировали часто, и она перестала об этом думать. Тем более что все они тоже были фанатиками своего дела. Умеет, умеет Плотников кадры находить...

С бабками разобрались быстро. Всё у бабок было хорошо, всё они терпели безропотно, радостно

присматривались оперированными глазами к неясным пока силуэтам и цветовым пятнам: ой, а рука-то желтая! Ой, а халат-то зеленый! Это что ж такое — правда или только кажется? Ася бабок хвалила за то, что так быстро выздоравливают, так хорошо учатся видеть, объясняла: рука желтая — потому, что в желтой перчатке, халат зеленый — потому, что врачи уже редко носят белые халаты. Хотя на ней вовсе и не халат был, а балахонистые штаны и еще более балахонистая роба. И бахилы. Бахилы Светка заставляла надевать всех, даже посетителей. Особенно посетителей. Тут вам не какой-нибудь овощной магазин.

Потом пошли мужики, с ними несколько труднее было. Мужики оперированными глазами ни к чему особо не присматривались, но требовали конкретно ответить, сколько процентов зрения им ждать и в какие именно сроки. От одного Ася унюхала табачный дым, поэтому на его вопрос конкретно ответила, что у курящих проценты зрения зависят не от операции, пусть даже и очень успешной, а от количества выкуренных сигарет. Мужик тяжело задумался, наконец агрессивно спросил:

— Мне теперь что, курить бросать?!

— Разве я могу вам что-то запрещать? — грустно сказала Ася. — Каждый человек имеет свободу выбора. Или курить — или видеть... Это что кому интересней.

Мужик молча ушел. Раздраженный.

Люда сказала:

— Курить пошел. Не поверил. Он никому не верит. Депутат областной думы... Все, больше никого нет. Сказать, чтобы зэка вели?

— Как «вели»? — удивилась Ася. — Он что, сам не в состоянии ходить?

— А вот сейчас увидите... — Люда загадочно улыбнулась и вышла из перевязочной.

Ася минуту подождала, никого не дождалась, не выдержала и выглянула в коридор.

По коридору вели зэка. Н-да, это стоило увидеть. Кино — это же кино, мало ли чего киношники выдумать могут. Много чего они могут выдумать.

Но до такого маразма даже киношники не додумались бы.

Зэка вели пять человек. Четверо из них — с автоматами. На изготовку. Двое с автоматами на изготовку шли ближе к стенам, внимательно поглядывая по сторонам. По сторонам были только двери в палаты с одной стороны и двери в операционную и в ординаторскую — с другой. Да, еще дверь в туалет. Из этой двери кто-то собрался выйти, один из автоматчиков повел стволом, дверь захлопнулась. Из других дверей никто выходить не собирался. Наверное, всех предупредили.

За двумя автоматчиками точно по центру коридора шел зэк. Наверное, зэк. Потому что был не в камуфляже. И без автомата. И руки за спиной. А так — больной и больной. Ярко выраженный тип «любитель активного отдыха». Черные спортивные штаны, слишком широкие и чуть коротковатые. Явно с чужого плеча... то есть бедра. А с плеча — это белая футболка. С чужого. Совершенно непонятно, как он в нее влез. Швы на глазах разъезжаются... Тьфу-тьфу-тьфу, чего это она о швах на глазах! На футболке швы разъезжаются, на футболке! Прямо на глазах. Зэк по сторонам не смотрел. Он никуда не смотрел. Ему смотреть было нечем — левый глаз

был залеплен марлевым квадратом послеоперационной повязки, а правый заплыл пухлым фиолетовым фингалом. Вряд ли он этим фингалом что-нибудь видел, но шел свободно и уверенно. Точно по центру.

За зэком тоже точно по центру коридора шел коротышка необыкновенной ширины. То есть, может быть, не такой уж и коротышка, просто за зэком не видать было, какого он роста. А ширину — видать. С обеих сторон. Да еще он руки слегка растопыривал, как будто готовился кого-то ловить. Как вратарь.

За вратарем, отстав на пять шагов, шла Люда — несколько по синусоиде. Отклонялась от центра, чтобы выглянуть из-за квадратной фигуры вратаря: что там впереди, видит эту демонстрацию кто-нибудь? Встретилась глазами с Асей, сделала выражение лица типа «а я что говорила».

За Людой шли еще два автоматчика в камуфляже, и эти ближе к стенам. Также бдительно поглядывая по сторонам, время от времени по очереди оглядываясь. С выражением лиц типа «враг не дремлет».

Так, и что весь этот маразм должен означать? Не может быть, чтобы всю эту армию согнали сторожить одного зэка. Или защищать одного зэка? Интересно, интересно... И похоже на правду. Вон как эти пятнистые головами вертят. Как будто ждут нападения с тыла. Чьего нападения? Наверное, сообщников этого больного. Зэка этого. Наверное, этот больной — то есть, конечно, зэк — очень крупный криминальный авторитет. Банкир... то есть кассир общественных денег... общих... да, общака. Кажется, это называется «казначей». И братки хотят освободить его, чтобы получить свою законную... то есть противозаконную долю. Преступную!

Или нет! Он — маньяк, вот он кто. Серийный убийца, пойманный на месте преступления с окровавленным ножом в руках. Родственники жертв устроили ему самосуд — то-то он так разукрашен, — и теперь менты вынуждены охранять преступника от рассвирепевших граждан, чтобы он хоть до суда дожил.

Ася присмотрелась к больному. То есть к ээку. Вот как такие люди становятся маньяками, а? Невозможно представить. Впрочем, как-то не очень представлялось, как такие люди становятся и криминальными авторитетами. Надо было выбирать психиатрию, тогда бы сейчас все понимала. Заодно и то, как люди становятся любителями активного отдыха. И даже профессионалами активного отдыха. Так, а при чем тут активный отдых? Ни при чем. Просто этот маньяк очень похож на любителя — и даже на профессионала! — активного отдыха. Настроение испортилось. Это от мысли о профессиональных любителях. Даже от мысли о профессиональных убийцах оно так не портится.

Да черт с ним, с этим ээком. Какая разница, кто он такой, если из-за него по ее родному отделению ходят толпы вооруженных людей, распугивая больных старушек и вконец растрёпывая нервы лично ей! Это же надо было додуматься — припереться в отделение глазной хирургии с автоматами! Да еще и без бахил! Здесь что — овощной магазин?

Войско приблизилось, слегка перестроило порядки и молча замерло перед стоящей в дверях Асей. И она молчала, внимательно разглядывая каждого с ног до головы. Разглядела, загрустила, негромко позвала:

— Людмила Ивановна...

— Слушаю, Анастасия Павловна!

Люда вынырнула из-за квадратной спины вратаря, попробовала выйти вперед мимо зэка, но вратарь тут же вклинился между нею и зэком. Но вклинился вежливо: зэка слегка оттер, Люде как бы место освободил. Ну, все равно.

— Людмила Ивановна, — печально сказала Ася, — вы посмотрите, что делается. Люди не обуты. Будьте добры, скажите Светлане Алексеевне, что нам нужны пять пар бахил. Через тридцать секунд.

— Есть! — гаркнула Люда, радостно вытаращив глаза, по всем правилам повернулась через левое плечо и шустро поскакала в дальний конец коридора, где был кабинетик старшей медсестры.

Один из автоматчиков тут же повел за ней стволом. Ася посмотрела на свои наручные часы, потом на настенные часы, которые висели прямо напротив перевязочной, задумчиво кивнула, сложила губы бантиком и сделала выражение лица типа «за смертью вас посылать». Стояла, молчала, грустно поглядывала на тяжелые шнурованные башмаки пятнистых. Башмаки без конца переминались, топтались на месте, задевали друг друга и отодвигались в сторону... Это сколько же микробов они уже натрясли — и еще натрясут! — на идеально чистый, вымытый с антисептиком, проверенный Светкиной белоснежной салфеткой пол! Можно сказать — стерильный пол. Был.

В конце коридора из своего кабинетика выскочила Светка с пакетом в руках, за ней — Люда. Уже второй автоматчик обернулся и повел стволом в их сторону. Светка и Люда бежали под дулами двух автоматов. Ася глянула на часы.

— Ну, у вас дисциплина... прямо как в армии, — неожиданно сказал квадратный вратарь.

Ася мельком глянула на него, сделала выражение лица типа «что бы ты понимал в дисциплине». Подбежали Светка и Люда. Светка — первая, растолкала пятнистых, встала перед Асей, тараща хитрые коричневые глаза, быстро заговорила со слезой в голосе:

— Анастасия Павловна, я этим только час назад бахилы выдала! Я им всем бахилы выдала, для каждой смены! Только больному не выдавала, у него ноги чистые! И тапки у него чистые... только я не знаю, чего это он сейчас босиком! А этим я всем выдавала, а куда они их девают, так пусть сами отвечают, откуда я знаю, может, с собой уносят, может, у них обувь дырявая, а дождик вон какой был, так они прямо в бахилах — по лужам, чтоб, значит, ноги не промочить!

— По каким лужам? — некстати влез с опровержением квадратный. — Они все в камере валяются, бахилы эти ваши...

— Заткнись, — посоветовала Светка и, не оглядываясь, пихнула его локтем. В живот попала. — Я потом с вами разберусь.

Квадратный удивленно икнул и заткнулся.

— Я сама потом со всеми разберусь, — грустно пообещала Ася. — Людмила Ивановна, идите на рабочее место. Светлана Алексеевна, проследите, чтобы все обулись. Пока мы тут будем заняты, в палате провести санобработку. У вас минут двенадцать-тринадцать.

— Уж я проведу! — угрожающим тоном сказала Светка. — Я их в автоклаве прокипячу! Я ихние ружья хлоркой вымою! Только вы не расстраивайтесь, Анастасия Павловна!

Ася вздохнула, пожала плечами, сделала выражение лица типа «это уж как получится», вошла в пе-